

Ляпишев Георгий Владимирович,

член Совета потомков участников Отечественной войны 1812 г.

Граф Аракчеев, Норовы и другие...

Граф Аракчеев, бывший в начале XIX в. одной из центральных фигур российской власти, имел обширную переписку с самыми различными людьми, которая, к счастью, сохранилась в различных архивах, однако очень мало используется исследователями. Опубликованы лишь немногие письма. Значительная часть этой переписки отложилась в фонде 154, хранящемся в РГВИА. В делах подшиты вместе письма самых разных людей, от старосты грузинского имения графа и его капельдинера до главнокомандующих армиями князя Багратиона и Барклая де Толли. Многие дела снабжены алфавитными указателями. Кроме дел с подлинниками писем, имеются журналы входящих и исходящих писем, часто с подробным изложением их содержания.

В данной работе сделана попытка, базируясь, в основном, на переписке графа Аракчеева, рассказать о взаимоотношениях его с семейством Норовых и некоторых других семейств.

Отставной майор Сергей Александрович Норов (17.09.1762-16.03.1849) владел многими имениями в Саратовской, Рязанской, Тульской и Костромской губерниях с 1500 душ крестьян. В 1796 г. он был избран саратовским губернским предводителем дворянства. В селе Ключи Балашовского уезда Саратовской губернии родились его старшие сыновья Василий, Авраам и Александр. Когда мальчики стали подрастать, по совету своей родственницы, Екатерины Романовны Дашковой, С. А. Норов купил село Надеждино близ Дмитрова, куда вся семья переехала в 1803 г. Старший сын Василий с 1801 г. обучался в Пажеском корпусе. Второй сын Авраам учился в Благородном пансионе при Московском университете, но курса не окончил и после экзамена в военных науках в марте 1810 г. поступил на службу юнкером в Л.-гв. артиллерийскую бригаду.

Норовы и Аракчевы считали себя родственниками, хотя формально, по нашим понятиям, таковыми не являлись. Младший брат графа Аракчеева Петр Андреевич был женат на племяннице С. А. Норова, княжне Наталье Ивановне Девлеткильдеевой. В сентябре 1810 г. Петр Андреевич ехал из Москвы в имение своей матери в село Курганы Бежецкого уезда Тверской губернии. Из Дмитрова 27 числа он отправил старшему брату письмо, которое здесь воспроизводится с сохранением некоторых особенностей оригинальной орфографии автора: «Выехавши из Москвы к матушке, путь свой направил я по Кашинской дороге на Бежецк по той притчине, что премея и на оной дороге живет дядя наш Сергей Александрович Норов, которого и вы знаете, пользуясь всегда его ласками, хотелось за один раз побывать у него; приезд мой случился очень к стате и для него полезен, притчина следующая: у него находится сын в пажеском корпусе пятой год, который кончил уже науки и нынешней выпуск поступить может в Афицеры; все желание его и отца устремлено, чтобы быть Артиллерийским Афицером. Хотя мы и уверены, что он по наукам и поведению из первых по корпусу и должен в Афицеры быть преимущественно, то есть в Гвардейскую Артиллерию, о чем засвидетельствуют даже и его начальники, но при всем оном зная и то, что ко всему сказанному непременно нужно иметь протектора, милостью бы которого сделать верно первой сей шаг. Будутчи уверен, что вы, батюшка братец, любя меня, не откажете сделать помощи сему молодому человеку и родственнику, устроя сим навек его щастие, обяжете вечною благодарностию его родителей, а я приму как собственную мне сделанную вами милость, пребывая всегда с нелестно-истинною братскою любовью и нелицемерною преданностию вашим братом и слугою. Петр Аракчеев»¹.

В этом письме Петр Аракчеев явно путает двух братьев Норовых, поскольку здесь речь идет об Аврааме, который, как уже указывалось выше, учился не в Пажеском корпусе, а в Университетском благородном пансионе.

Старший Аракчеев благосклонно отнесся к просьбе брата, о чем свидетельствует письмо последнего от 3 ноября 1810 г.: «...приношу мою чувствительную благодарность, батюшка братец, за родственника нашего пажа Г-на Норова; я надеюсь, что отец его уже в Питербурге и лично сам вас будет благодарить»².

Действительно, С. А. Норов ездил в Петербург в январе 1811 г., на обратном пути по приглашению графа Аракчеева (в его отсутствие) заезжал в Грузино и к матери графа в ее тверское имение Гарусово. Свою поездку он описал в благодарственном письме к графу, отправленном из Москвы 29 января 1811 г., в котором выразил свои восторги увиденным в Грузине³. Растроганный граф ответил ему 12 февраля 1811 г.: «Приятное ваше письмо от 29 Января чрез сына вашего я имел удовольствие получить, за которое, а равно за труд посетить мой грузинский монастырь, я приношу мою чувствительную благодарность. Я думал, что вы, Милостивый Государь, по родству нашему меня за Грузино хорошенько пожурите, что я так не мило сердцу лютую, и думаю, что правительству надобно будет опекунов определить; но, получа ваше письмо, нахожу в нем снисхождение ваше к моей слабости. Добрые хозяева, в том числе и вы, не бросают деньги на вещи, с коих никакого дохода получить нельзя; а обращают оные в употребление так, чтобы был с них доход, а в Грузине вы видели мертвый капитал; но, что делать! имея порок, надобно Бога благодарить, что хуже онаго не дал. Мне всегда приятно видеть у себя в доме ваших детей, прошу приказать им меня посещать»⁴.

В сентябре 1811 г. С. А. Норов сам обратился к Аракчееву с просьбой посодействовать тому, чтобы сына Авраама выпустили офицером в Гвардию, а не в армейские бригады⁵. Аракчеев обещал хлопотать, если по экзамену Авраам окажется в числе первых (письмо от 13 октября 1811 г.⁶). Однако 22 октября, как пишет Аракчеев С. А. Норову, «пришли ко мне оба ваши сыновья, как находящийся в Пажеском корпусе, так и в Гвардейском батальоне, и просили меня, дабы я просил Инспектора Артиллерии, чтобы сына вашего юнкера Гвардейского батальона на нынешней год от экзамена уволить, ибо он сам признает себя еще к оному не готовым; о чем я и просил Инспектора Артиллерии, а посему сын ваш к собственной его чести и похвально делает, что остается еще на год юнкером, дабы окончить совершенно свои науки и быть достойным офицером (письмо от 23 октября 1811 г.⁷). В написанном одновременно письме к брату Петру, граф Аракчеев еще присовокупил: «да и правду вам скажу, что хорошо и умно, что он сам признался в своем еще незнании наук, ибо очень молод; что будет за офицер, только может себя испортить и более ничего»⁸.

Однако не успел граф Аракчеев порадоваться благоразумию Авраама, как ситуация резко изменилась, о чем он сообщал брату Петру в письме от 26 ноября 1811 г.: «Теперь уведомляю вас о Г. Норове. Вам известно, что я просил Г-на Инспектора Меллера (Меллера-Закомельского. – Г. Л.), дабы он его уволит от экзамена этого. Зделано было так; но вдруг на сих днях получаю письмо от Миллера, при оном он прикладывает к нему писанное письмо княгини Голицыной, дабы Норова на экзамен допустить, то спрашивает на оное моего согласия. Я, получа оное, призываю к себе Норова и спрашиваю его. Он мне говорит, что теперь готов выдержать экзамен, и просит меня, дабы я об оном написал Миллеру. Я ему отвечал написать к себе об оном письмо и потом писал к Миллеру, дабы его допустили на экзамен; со всей оной переписки прилагаю вам копии и теперь не ручаюсь, чтобы он выпущен был в Гвардию. Ты знаешь сам, как можно в две недели успеть так, чтобы зделаться первым, а естли он не будет первым или вторым, то его в Гвардию не назначут – выпустят в армейские бригады; о чем я после экзамена вас тотчас и уведомлю...»⁹.

И действительно, в письме к матери от 15 декабря 1811 г. Аракчеев несколько раздраженно написал, что, если брат Петр с женой находятся у нее, «доношу им, что **их родня** (выделено мною. – Г. Л.) Г. Юнкер Норов на экзамене был и оказался по знанию своему четвертой человек. Но я, однако, все способы употреблю, дабы он помещен был в Гвардейский батальон офицером»¹⁰. 25 декабря 1811 г. Авраам Норов был произведен прапорщиком в Гвардейский артиллерийский батальон. На благодарственное письмо родителей¹¹ Аракчеев ответил своим письмом, где в частности писал: «прошу любезному вашему сыну приказать ко мне ходить, как к родному, что мне весьма приятно будет»¹².

В составе Л.-гв. Артиллерийского батальона Авраам Норов участвовал в Бородинском сражении, где был ранен в ногу, которую пришлось ампутировать. Старший брат Василий был выпущен из Пажеского корпуса 27 августа 1812 г. прапорщиком в Л.-гв. Егерский полк и

вместе с полком прошел боевой путь от Тарутина до Кульма. При этом родители не имели от него известий в течение пяти месяцев, и обеспокоенный отец обратился к Аракчеву с просьбой «уведомить, в каком положении он находится. <...> Мы живем ныне в деревне Московской губернии уезда Дмитровского. Артиллерист наш имел счастье исполнить долг свой и Государю и отечеству как следовало офицеру и дворянину русскому, будучи в сражении при Бородине, угодно было богу спасти жизнь его. Но лишился он тут ноги, почему и живет теперь у нас в отпуску до излечения, имея непреоборимое желание продолжать службу и с деревянной ногою. Буде рана сия не зделает дальнейшего влияния на здоровье его, то, конечно, и мы в том препятствовать не будем. <...> 1813го июля 7го из сельца Надеждино»¹³. Аракчев получил это письмо 8 августа 1813 г., а через десять дней в сражении при Кульме Василий Норов был тяжело ранен сквозь левую ляжку в пах пулею навывлет и для лечения был отправлен в Прагу. Аракчев принял деятельное участие в его судьбе: поручил лечение знаменитому лекарю, снабдил деньгами и проездными документами в Россию. Переписка об этом опубликована дважды¹⁴, поэтому здесь не воспроизводится.

После излечения Авраам Норов продолжил службу в Л.-гв. Артиллерийской бригаде и в 1815 г., когда в связи с возвращением Наполеона с острова Эльбы во Францию русская армия готовилась в поход, Авраам дважды занимал у Аракчеева деньги: сначала 600 рублей ассигнациями, а потом еще 300 рублей. В октябре 1815 г. он занял еще 300 рублей. Расписки его Аракчев пересылал отцу, который оплачивал эти расходы¹⁵.

И в дальнейшем Аракчев оказывал Аврааму свое покровительство, иногда в несколько своеобразной форме. Будучи уже в чине полковника, Норов вздумал просить себе у Александра I губернаторской должности. На другой или третий день после того, как он подал об этом прошение государю, Аракчев пригласил его к себе. «Благодари меня», – сказал ему граф, поздоровавшись с ним. «Благодарю покорно, хотя еще не знаю за что», – отвечал ему Норов. «Да хорошенько благодари – за то, что я успел тебе оказать большое благодеяние. Ты просил Государя сделать тебя губернатором; ведь Государь чуть было не согласился на твою просьбу, да, к твоему счастью я остановил его. Знаю я, что ты храбрый офицер, что ты человек добрый; но какой ты губернатор? по своей доброте ты испортил бы всю губернию, да и сам попался бы в неприятное положение»¹⁶.

Наряду с Норовым, были и другие родственники, также пользовавшиеся расположением графа Аракчеева. В июле 1811 г. по его протекции получил место городничего в Боровичах Александр Кириллович Афанасьев¹⁷. В сентябре того же года его посетил двоюродный брат Аракчеева Петр Константинович Еремеев, который сообщал графу: «Приставши на квартире у родственника нашего Александра Кирилыча, которой много вас благодарит и также молит бога за Ваше Сиятельство; я его первой раз вижу, он мне показался человек хороший и слишком не дурак. Кажется, оправдает доверенность вашу»¹⁸. Из этих слов можно сделать вывод, что Аракчев Афанасьева лично не знал; степень родства их пока установить не удалось, можно лишь утверждать на основании общего родства и с Еремеевым, что это родство по материнской линии, так как матери Аракчеева и Еремеева были сестрами (урожд. Ветлицкие).

Однако, видимо, доверенность Аракчеева Афанасьев оправдал, и в 1815 г. стал городничим города Бежецка, в окрестностях которого находилось село Курганы, имение матери Аракчеева. В это время мать строила в Курганах каменную церковь, и бежецкий городничий в этом ей деятельно помогал: производил расчеты с архитектором, занимался позолотой иконостаса и доставкой чугунных изделий для клироса церкви, Афанасьев занимался также оформлением бумаг по имению умершего в 1814 г. брата Андрея Аракчеева¹⁹. Аракчев не оставался в долгу; «Посылаю к вам бежецкого городничего письмо», – писал он брату Петру, – «из коего вы увидите, что он не хочет мне означить, чего же он желает? А мне надобно знать, что для него просить: чина, креста или пенсии, то я так бы и стараться стал, о чем прошу, отобрав, меня уведомить»²⁰. Как тут не вспомнить А. С. Грибоедова:

Как станешь представлять
К крестишку ли, к местечку –
Ну как не порадеть
Родному человеку?

Таким родным человечком стал для Аракчеева еще один городничий, получивший позже всероссийскую известность, благодаря комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». Как известно, основой сюжета пьесы послужил случай, произошедший в мае 1829 г. в городе Устюжне Новгородской губернии, где городничим был Иван Александрович Макшеев (22.03.1784-26.05.1858). После окончания 2-го кадетского корпуса И. А. Макшеев был 16 августа 1801 г. произведен прапорщиком в Кексгольмский мушкетерский полк. Он участвовал в трех походах: в 1805 г. был в десантной высадке на остров Рюген и совершил марш обратно из Шведской Померании в Россию; в войне с французами в 1807 г. участвовал в сражениях при Гутштате, Гейльсберге и Фридланде, награжден золотой шпагой с надписью «за храбрость» и контужен картечью в правый бок; во время войны в Финляндии 1808-1809 гг. участвовал в Аландской экспедиции. Вышел в отставку в чине капитана 12 января 1810 г. и 9 июля того же года женился на Вере Васильевне Еремеевой, которая приходилась двоюродной племянницей графу Аракчееву, а опекуном ее был уже упоминавшийся Петр Константинович Еремеев, приходившейся ей дядей. Граф Аракчеев был приглашен на свадьбу, но не приехал, а прислал поздравление и невесте шелковой материи на два платья.

Желание стать городничим возникло у И. А. Макшеева в начале 1812 г., и Петр Еремеев обратился к Аракчееву с просьбой содействовать этому. Аракчеев сразу дал ход делу и в письме П. Еремееву от 31 марта 1812 г. сообщал: «По личной вашей просьбе я утруждал Его Императорское Высочество принца (Ольденбургского, генерал-губернатора Новгородского, Тверского и Ярославского. – Г. Л.) об определении городничим родственника нашего Г. Мокшеева и получил обещание, что при открытии вакансии будет он помещен, но между тем теперь внесен он в список кандидатом и состоит шестым человеком в числе тех, кои подали просьбы об определении в городничии по Новгородской, Тверской и Ярославской губерниям»²¹. Однако война помешала этим планам. Макшеев поступил в Новгородское ополчение и 4 сентября 1812 г. отправился в поход через Новгород, Витебск, Березину, Юрбург, Кенигсберг, куда прибыл в январе 1813 г. В письме от 29 марта Петр Еремеев писал Аракчееву: «От племянника Ивана Александровича Макшеева насилу получили из Кенизберха письмо. Бедняжка всю зиму болен, а жена и теща не осушают глаз – даже скуку на меня навели; нельзя ли, батюшко, как-нибудь ево оттудова свободить, а ежели не можно, то сделайте милость, возьмите ево к себе; я вам за нево ручаюсь, он вам пондравится. Да отошлите, батюшко, к нему письмо, от нас ни одно не доходит, потому что не знаем, куда писать»²².

Об этом же писал Аракчееву и сам Макшеев 16 сентября 1813 г., находившийся в это время при блокаде Данцига: «Почтенное письмо ваше сего 11го числа я имел честь получить, при коем находилось и от дядюшки Петра Константиновича. Вы много ко мне милостивы, удастаивая писать ко мне и мне покровительствовать, чувства моеи к вам благодарности на века сохранятся в душе моеи. Вы изволите писать, что я не отвечаю на ваши письма. Боже меня сохрани, это для меня священная обязанность; на первое ваше письмо из Калиша от 21го марта я отвечал мая 1го числа, а на второе из Саксонии от 29го апреля ответствовал мая 17го, где также мною послан список о ваших крестьянах, поступивших в ополчение, о коих и теперь вторично имею честь вам препроводить. Во втором письме вашем по чувству вашего ко мне благотворения вошли вы в мое положение и желали освободить меня из ополчения; я должен признаться как благодетельному отцу моему, что по обстоятельствам моим я имею великое желание быть переведенным из ополчения в службу Вашего Сиятельства или возвратиться в дом свой. Я теперь женат и имею обязанность пешись об устройстве семейственного моего положения. Употребите на сии два предмета ваши старания. Я навсегда в полной мере буду чувствовать таковое ваше благодеяние, при сем посылаю письма к родным моим. А так как дядюшка Петр Константинович извещает меня, буде мне нужны деньги, то бы я отнесся к Вашему Сиятельству. Служив в ополчении целой год и не получая жалования, я имею крайнюю нужду в деньгах для уплаты небольших долгов моих, почему и осмеливаюсь вас просить прислать мне 200 рублей»²³.

В ответ на это Аракчеев написал письмо командовавшему войсками при осаде Данцига генерал-лейтенанту Ф. Ф. Левизу с просьбой освободить Макшеева из ополчения и послал

ему 300 рублей ассигнациями. Макшеев был командирован в Новгород и получил дозволение вернуться домой, куда прибыл 16 декабря 1813 г.

С 1818 по 1821 год он служил по выборам заседателем в Устюжском уездном суде, а с 3 марта 1824 г. стал городничим в этом городе. Не исключено, что для этого он еще раз воспользовался протекцией Аракчеева, но пока документов об этом найти не удалось.

Событие, которое принесло ему скандальную известность на всю Россию, произошло в 1829 г. 10 мая в Устюжну на почтовых приехал вологодский помещик отставной подпоручик Платон Григорьевич Волков. Сказавшись больным, он остановился на квартире, брал лекарства у аптекаря. На следующий день прибыла его карета с кучером и двумя лакеями. В Устюжне Волков провел неделю и, выдавая себя за чиновника III отделения, требовал себе квартиру, продовольствие для людей и лошадей, был на нескольких обедах у разных чиновников, обещал всем свою протекцию, оставляя для переписки адрес канцелярии шефа III отделения Бенкендорфа. Волков был одет в партикулярное платье и имел Мальтийский знак. Поскольку ношение этого знака в России было запрещено специальным указом Александра I в 1817 г., это вызвало подозрение некоего информатора новгородского губернатора. 20 мая новгородский губернатор Август Ульянович Денфер направил городничему Макшееву запрос, в котором было написано: «Известясь частно, что проезжающий из Вологды на собственных лошадях некто в партикулярном платье с Мальтийским знаком проживает во вверенном вам граде более 5 дней, о причинах столь долгого нахождения, ниже того, к какому он классу принадлежит, никто из жителей и даже Вы не знаете, почему необходимо иметь от Вас сведения, по какому случаю проживал в Устюжне, не входил ли в общественные собрания и не обращал ли какого внимания на какие-нибудь предметы».

Запрос был получен в Устюжне 27 мая, а 29 мая уже был отправлен ответ, в котором сообщалось: «Почтеннейшее письмо ваше 27 мая имел счастье получить, на которое имею честь донести, что точно 10 мая был приехавши во вверенный мне город отставной подпоручик Вологодской помещик Платон Григорьев Волков, прибыл в город на почтовых лошадях с Вологодского тракта, а на другой день прибыли его лошади в карете; прислуга при нем: два лакея и кучер; сам был в партикулярном платье, имея Мальтийский знак.

По приезде в город расположился в квартире, а на другой день пригласил к себе штаб-лекаря, брал у него лекарства, за которые его удовлетворял. Я у него был, и он мне объявил, что по случаю болезни пробудет дней пять в городе, в домах был у меня два раза, у г-на исправника, у откупщика и на именинах у штаб-лекаря.

В присутствие не входил, а был у меня в городническом правлении частно, просил показать ему острог, где смотрел его расположение, и сие делал, по моему заключению, из любопытства, в лазарет его пригласил штаб-лекарь, где он только посмотрел аптеку, в училище духовном и городском был сам по себе, в соборе служил Молебен и просил Протопопа показать ему ризницу, и все оное делал отношением к лицам, до кого касалось, самым вежливым образом, и 17 мая отсюда отправился в С. Петербург и будет иметь жительство у дяди его Боборыкина в собственном его доме в Литейной части Фурштатской улицы близ кирки Св. Анны.

Я за нужное не полагал об партикулярном человеке довести до сведения Вашего Превосходительства, зная совершенно, что он не из числа подозрительных людей».

В последнем утверждении городничий сильно ошибался; он не мог, конечно, знать, что Волков состоял на подозрении у вологодских жандармов, по крайней мере, с 1827 г. как картежный игрок, дважды женатый и успевший промотать и свое имущество, и имущество своих жен. Позже жандармы выяснили, что карету и четырех лошадей Волков взял из имения своей малолетней дочери от первого брака, доставшегося ей от своего деда и находившегося под опекой, но в Тихвине все это промотал (видимо, вместе с деньгами, полученными от чиновников в Устюжне).

На служебном положении И. А. Макшеева этот случай никак не отразился, он был городничим еще несколько лет. В начале 1835 г. он обратился к начальству с прошением об отставке «по домашним обстоятельствам, а более по разстроенному здоровью». Представляя эту просьбу министру внутренних дел, исправляющий должность Новгородского гражданского губернатора отмечал, что «по запущенным в Устюжском городском правлении делам нужен сюда городничий деятельный и опытный»²⁴. 5 марта 1835 г. И. А.

Макшеев был отставлен. Он и его жена умерли в 1858 г. и похоронены близ своего имения Гряды в с. Ильинском²⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГВИА, ф. 154, оп. 1, д. 71, л. 481-482.

² Там же, л. 543-544.

³ Там же, д. 77, л. 64-65.

⁴ Там же, д. 328, л. 8 об.

⁵ Там же, д. 77, л. 587.

⁶ Там же, д. 328.

⁷ Там же, л. 80.

⁸ Там же, л. 81.

⁹ Там же, л. 90.

¹⁰ Там же, л. 102.

¹¹ Там же, д. 98, л. 33-34.

¹² Там же, д. 340, л. 8.

¹³ Там же, д. 102, л. 364-365.

¹⁴ РА, 1900, № 2; Оригинальные письма из армии 1812-1813 гг.// Российский архив. М., 1996. Т. VII, с. 150-169.

¹⁵ РГВИА, ф. 154, оп. 1, д. 362, л. 43-45, 65, 67.

¹⁶ Ширяев Л. В. Из записной книжки старожила.// Аракчеев: свидетельства современников. М., 2000. С. 303-304.

¹⁷ РГВИА, ф. 154, оп. 1, д. 328, № 115.

¹⁸ Там же, д. 77, № 272.

¹⁹ Там же, д. 362, л. 61, 70, 73, 81, 84, 122.

²⁰ Там же, л. 35.

²¹ Там же, д. 340, л. 58.

²² Там же, д. 102, № 184.

²³ Там же, № 531.

²⁴ РГИА, ф. 1286, оп. 6, д. 183.

²⁵ Макшеев А. И. Исторические сведения о роде Макшеевых и их поместьях.// Сборник Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1916. Вып. 8, с. 99-167.